

УДК 821.161.1
ББК 82.3(2)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Е. Н. Строганова
г. Москва, Россия

НАРОДНАЯ/ПСЕВДОНАРОДНАЯ «ВАНЬКА-ТАНЬКА»: МЕТАМОРФОЗЫ БЫТОВАНИЯ

Аннотация: В текстах второй половины XIX в. неоднократно упоминается песня «Ванька и Танька», однако до сих пор не поднимался вопрос о ее происхождении и особенностях бытования. Обращение к сборникам русских народных песен, разного рода песенникам, нотным текстам, а также свидетельствам современников позволяет говорить о том, что эта авторская песня появилась в 1850–1851 гг. в репертуаре хора московских цыган, была популярна в разных слоях общества и получила особенное распространение в простонародной среде. В образованном обществе пользовалось известностью и музыкальное переложение А. С. Даргомыжского, в 1856 г. аранжировавшего «Ваньку и Таньку» на два голоса. Не имевшие отношения к музыкальной шутке Даргомыжского упоминания о песне в литературных текстах второй половины XIX – начала XX вв. отражали ее популярность в простонародной среде, а также использовались в символическом смысле для обозначения низовых явлений искусства.

Ключевые слова: песня «Ванька-Танька», происхождение, особенности бытования, М. Е. Салтыков-Щедрин, популярность, дуэт А. С. Даргомыжского, низовые явления искусства.

Информация об авторе: Евгения Нахимовна Строганова — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет им А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, 117997 г. Москва, Россия. E-mail: enstroganova@yandex.ru

Дата отправки: 29.03.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Строганова Е. Н. Народная/псевдонародная «Ванька-Танька»: метаморфозы бытования // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 178–196.

В литературных текстах XIX в. неоднократно встречаются упоминания о песне «Ванька и Танька», которая и в самих произведениях, и в комментариях иногда представлена как русская народная. В частности, отсылка к песне «как Ванька Таньку полюбил» дважды встречается в текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина 1870-х гг., в связи с вопросами литературного творчества. Уже в 1860-е гг. писатель заявлял, что современная беллетристика, ограничиваясь по преимуществу изображением любовных перипетий, не отвечает требованиям жизни: «Любовь с ее видоизменениями и последствиями давала легкое средство отыскать содержание для целой картины; к ней одной представлялось возможным свести всю человеческую деятельность. Беллетристы пользовались этим обстоятельством и разрабатывали любовные способности человека, насколько

хватало у них сил...» [30, с. 182]. Формульным обозначением этой проблемы становится у него отсылка к «Ваньке-Таньке». В III главе цикла «Господа Молчалины» (1874) речь идет о невозможности для писателя свободно выражать свои мысли. Главным принципом современной жизни Молчалин называет нерассуждение: «...если хочешь прожить мирно, то стоит только не рассуждать», и этот принцип он распространяет на литературу, очерчивая круг возможных тем: «Ежели романист — пиши сказание о том, как Ванька Таньку полюбил, как родители их полагали этой любви препятствия и какая из этого вышла кутерьма!» [31, с. 63]. В незавершенном наброске «Говоря по правде...» (цикл «Круглый год», 1879) Салтыков намечает своеобразную периодизацию литературного процесса и особо выделяет период после 1848 г., когда под гнетом цензурных притеснений литература «с жадностью» накинута на любовную тему «и страстно разрабатывала ее в течение целых восьми лет». Он саркастически замечает, что такой путь литературе показала популярная «у Излера, на минерашках <...> песня о том, как Ванька Таньку полюбил»: «Все произведения ума человеческого этого короткого периода были написаны на эту тему, и все они были непохожи друг на друга» [32, с. 643]. Писатель утрированно изображает литературную ситуацию периода безвременья, и символическим обозначением литературы, отказавшейся от «права мыслить, права отыскивать истину» [32, с. 642], становится эталонная по отсутствию мысли песня про Ваньку-Таньку¹. Эти упоминания о «Ваньке и Таньке» разноречиво толкуются в комментариях. В одном случае исследователь пишет, что речь идет о «русской народной песне», которая «в обработке А. С. Даргомыжского получила широкую известность» [31, с. 646]; в другом — назван «популярный романс А. С. Даргомыжского» [32, с. 789]. Таким образом, остается непонятным, какое именно произведение имел в виду Салтыков: «русскую народную песню» или же «романс» Даргомыжского. Возникает также вопрос и о самом существовании такой русской народной песни, поскольку в современных полевых записях она не встречается и фольклористам неизвестна².

Литературные источники дают немало примеров популярности песни в простонародной среде — городской, крестьянской, солдатской. Один из наиболее ранних примеров — стихотворение А. К. Злова³ «Перевозчик (Посвящается Тайвани)», где изображается сценка из петербургской жизни: героиня спешит попасть на Петровский остров и нанимает перевозчика, который требует в уплату «десятка-другого» поцелуев:

И я видел потом: под Тучковым мостом
Перевозчик с мамзелью в ялботе, рядком,
По теченью, без весел, неслися,
Перевозчик пылал, «Ваньку-Таньку» орал,

¹ В романе «Современная идиллия» (1877–1883) писатель буквально демонстрирует, что такое литература на манер песни о Ваньке-Таньке. Он создает пародийный вставной рассказ, доверяя авторство героине по имени Фаинушка. В этом десятистрочном рассказе повествуется о том, как Петенька позвал Оленьку в лес погулять и Оленька «узнала многое, чего прежде, не бывши в лесу, не знала». Знаменателен своеобразный постскрипtum: слушатели восторгаются рассказом, потому что, «если бы все так писали, тогда цензорам нечего было бы делать, а следовательно, и цензуру можно бы упразднить» [33, с. 204]. Так «вещицей» Фаинушки Салтыков пародирует литературу, которая давала основание для символической репрезентации ее песней про Ваньку и Таньку.

² За помощь и советы благодарю коллег М. В. Ахметову, И. А. Книгина, С. Н. Лебедеву, М. Л. Лурье, И. Ю. Махотину, С. И. Панова, Д. К. Равинского, М. В. Строганова.

³ По сведениям И. Ф. Масанова, А. К. Злов — один из псевдонимов Алексея Александровича Козлова (1831–1901) [21, с. 395], однако один из авторов статьи о Козлове в словаре «Русские писатели» Д. К. Равинский [29] полагает эту информацию ошибочной (сообщено в частной переписке), что, на мой взгляд, соответствует действительности.

Да мамзель то и дело в уста целовал,
А в Петровском уж все разошлись [14, с. 99].

Этот текст был явным подражанием стихотворению Ф. А. Кони «Гондольер» (1835), известному в романсном варианте. Знаменательно, что у Злова амурная ситуация маркируется песней про Ваньку-Таньку, отсылку к которой должны были понимать читатели середины XIX в.

Приведу еще несколько примеров. В. А. Соллогуб, служивший в начале 1850-х гг. на Кавказе при М. С. Воронцове, вспоминал, что князь имел «слабость думать, что русского солдата нужно постоянно веселить», поэтому «вплоть до самой глубокой ночи, пока последний солдат, изнуренный трудовым днем, не засыпал, в лагере раздавались звуки какой-нибудь гнусной балалайки, наигрывавшей Ваньку-Таньку...» [37, с. 508]. В мемуарах Е. Н. Водовозовой рассказана история талантливого крепостного скрипача, просившего барыню не приставлять его к крестьянскому труду, на что та отвечала: «Тринкать-то “Ванька Таньку полюбил” ты мог и без учения, и без ущерба для господского хозяйства!» [8, с. 135]. О широкой известности песни в простонародной среде свидетельствуют и «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, где упоминается некая «весьма пригожая девица, по прозвищу Ванька-Танька, подававшая большие надежды и отчасти осуществившая их впоследствии» [11, с. 222]. Н. С. Лесков, рассуждая в 1869 г. о вкусах простонародного зрителя, замечал, что написанная интеллигентным автором сцена из русского народного быта⁴ покажется «простому человеку» скучной: «Он сам знает, как

Ванька дудочку берет,
Танька песенку поет,

и за то, чтобы видеть это повторенное искусственным образом на подмостках в театре, платить денег не станет» [19, с. 281].

В резко негативном смысле отсылка к песне была использована М. И. Михайловым в отзыве о шеститомном собрании сочинений Пушкина под редакторством Г. Н. Геннади: «Конечно, известный библиограф и библиофил наш не мог бы поставить наряду с превосходным стихотворением Пушкина “Для берегов отчизны дальней” (sic) площадную песню “Ванька Таньку полюбил” или что-то еще хуже...» [38, с. 188]. Это упоминание «площадной» песни имеет откровенно пренебрежительный смысл. Как и у Салтыкова впоследствии, песня становится символическим обозначением низовой культуры, которая противопоставляется настоящей литературе, у Михайлова — «превосходному» пушкинскому стихотворению о любви.

Приведенные примеры дают представление о ситуации начала 1850-х – 1860-х гг., но они лишь подтверждают факт широкого распространения песни и не содержат сведений о ее происхождении. Пожалуй, единственный раз о народном происхождении песни говорится в романе И. С. Тургенева «Дым» (1867). Западник Потугин доказывает, что «так называемое народное, наивное, бессознательное творчество есть нелепость и чепуха»: «Хотите ли уяснить себе поэтический идеал нецивилизованного русского человека? Разверните наши былины, наши легенды. Не говорю уже о том, что любовь в них постоянно является как следствие колдовства, приворота <...>; не говорю также о том, что наша так называемая эпическая литература одна, между всеми другими, европейскими и азиатскими, одна, заметьте, не представила — коли Ваньку Таньку не считать — никакой типической пары любящихся существ <...>» [41, с. 236]. Таким

⁴ Речь идет о «сцене из русского быта» «Ночное» М. А. Стаховича.

образом, в устах Потугина песня о Ваньке-Таньке оказывается своего рода символом русской народной поэзии. Но этот персонаж слишком далек от народной культуры, поэтому вряд ли следует отождествлять его рассуждения с позицией самого писателя, автора рассказа «Певцы». Другими словами, эта цитата не означает, что Тургенев считал «Ваньку-Таньку» русской народной песней, скорее, можно предположить, что приведенный пассаж нужен автору для того, чтобы усилить представление о чуждости героя народной культуре.

Обращение к сборникам русских народных песен показывает, что авторитетные песенные собрания Н. А. Львова, П. Н. Рыбникова, П. В. Шейна, А. И. Соболевского не содержат этого произведения. Вместе с тем во второй половине XIX в. существовали разного рода песенники и нотные издания, в которых опубликована песня «Ванька-Танька». Самой ранней фиксацией можно считать нотированное издание 1850 г., репрезентирующее песню как «деревенскую», автором музыки назван дирижер хора московских цыган Иван Васильев.

В селе малый Ванька жил,
Ванька Таньку полюбил (2),
Хор. Тпру! га, го, га, го,
Ванька Таньку полюбил (2).

Ванька с Танькою сидит,
Танька Ваньке говорит (2).
Хор. Тпру! га, го, га, го,
Танька Ваньке говорит (2).

Ванька, сокол дорогой,
Таньке песенку пропой (2).
Хор. Тпру! га, го, га, го,
Таньке песенку пропой (2).

Ванька дудочку берет,
Таньке песенку поет (2).
Хор. Тпру! га, го, га, го,
Таньке песенку поет (2).

Бачка мой коня купил,
Сивогривого купил (2).
Хор. Тпру! га, го, га, го,
Сивогривого купил (2).

В одноколку заложил,
Со двора в ней укатил (2).
Хор. Тпру! га, го, га, го,
Со двора в ней укатил (2).
Он держал, держал его,
Но не выдержал его (2).
Хор. Тпру! га, го, га, го,
Но не выдержал его (2).

Инде вожжи оборвал,
Шереночку потерял (2).
Хор. Тпру! га, го, га, го,
Шереночку потерял (2) [4].

Текст не вполне внятен, так как история Ваньки и Таньки переходит в рассказ о «бачке», т. е. отце, батюшке, купившем коня. Слово «шереночка», т. е. «шириночка» (от слова «ширина», полотнище по ширине), означает *полотенце, утиральник*, но возможно также и *кушак* [9, с. 634], что в данном случае больше соответствует контексту.

В сборнике песен 1865 г. первые три куплета повторяют предыдущее издание, но последующий текст и припев несколько изменены:

В селе малый Ванька жил:
Ванька Таньку полюбил. (2)
Тпру, ну, га, го, га, го,
Ванька Таньку полюбил. (2)

Ванька с Танькою сидит,
Танька Ваньке говорит: (2)
Тпру, ну, га, го, га, го,
Танька Ваньке говорит. (2)

Ванька, сокол дорогой,
Таньке песенку пропой.
Тпру, ну, га, го, га, го,
Таньке песенку пропой. (2)

Ванька коника купил,
Сивогривого купил.
Тпру, ну, га, го, га, го,
Сивогривого купил. (2)

В одноколку заложил,
Ванька с Танькой укатил.
Тпру, ну, га, го, га, го,
Ванька с Танькой укатил. (2)

Он держал, держал его,
Но не выдержал его.
Тпру, ну, га, го, га, го,
Но не выдержал его. (2)

Инде возжи оборвал,
Шереночку потерял.
Тпру, ну, га, го, га, го,
Шереночку потерял. (2) [26, с. 147–148].

В этом варианте речь идет только главных персонажах и их история приобретает эротические очертания, поскольку «шириночка» («шереночка») в народной культуре выступала как «своеобразный маркер девушек брачного возраста» [44, с. 681] и утрата ширинки, коррелирующая здесь с оборванными вожжами, могла означать утрату девственности.

Встречается песня и в лубочных песенниках, например в сборнике песен московских цыган, первое издание которого вышло в 1861 г. В третьем издании 1867 г. эта песня открывает сборник [34, с. 3]. Текст ее повторяет процитированное выше издание 1865 г., но за неимением варианта 1861 г. трудно судить о том, какому из сборников — «Песеннику» 1865 г. или «Собранию песен московских цыган» — следует отдать пальму первенства.

В нотном издании 1871 г., представляющем песню как «настоящая цыганская», автором назван некто А. Крылов [3]. Таким образом, «Ванька-Танька» по происхождению оказывается авторской песней, причем определение «цыганская» отсылает к источнику возникновения, а эпитет «деревенская», т. е. из деревенской жизни, характеризует содержание⁵.

Вопрос об авторстве песни окончательно не решен. Исследователи истории русского романса Е. Л. и В. С. Уколовы называют имя композитора А. И. Дюбюка: «В начале 1850-х годов на одной из цыганских вечеринок Дюбюк сочиняет вездесущую “Ваньку-Таньку”, которая преследовала всех и всюду своим веселым привязчивым мотивом» [42, с. 37]. Приводятся примеры присвоения И. В. Васильевым песен Дюбюка, в том числе публикации их под собственным именем. По мнению исследователей, свое авторство песни о Ваньке-Таньке Дюбюк подчеркнул, написав на стихи А. В. Кольцова песню «Женитьба Павла» (1853) [42, с. 37].

В 1848 г. хор московских цыган под руководством Васильева гастролировал в Петербурге. Обозреватель газеты «Иллюстрация» отозвался о выступлении хора 29 февраля в зале Благородного танцевального собрания. Положительно оценив это выступление, рецензент тем не менее сожалел о прежнем дирижере — «незабвенном Илье Соколове» — и утрате исполнителями «того разгула, того огня, отличительной черты цыганской песни» [46, с. 169]⁶. В заметке названы некоторые песни из репертуара, но «Ваньки-Таньки» в их числе нет. В начале 1850-х гг. хор Васильева с большим успехом выступал в Петербурге в заведении искусственных минеральных вод (известном в народе под названием «минерашки»), где его владелец Иван Иванович (Иоганн) Излер устроил парк гуляний и диковинных развлечений⁷. Судя по отзыву журнала «Москвитянин», летом 1851 г. «Ванька-Танька» в исполнении хора производила фурор. Автор очерка иронически пишет о том, что в музыке торжествует «народность»: появились польки Степка-растрепка, Антипка и полька на основе песни «Ванька-Танька». Чрезвычайной популярностью пользовалась и сама песня: «Нынешним летом петербургские цыганоманы приходили в неописанный восторг от Ваньки-Таньки, распеваемой цыганским хором; смуглая примадонна, отличавшаяся в ней, производила фурор, соби-

⁵ Эта песня входит и в состав «Сборника боевых, бытовых, плясовых и солдатских песен» [28], однако само его название не претендует на аттестацию песен как народных.

⁶ Противоположного мнения придерживался рецензент журнала «Пантеон», который в 1853 г. писал, что хор «значительно улучшился», и видел в этом заслугу Васильева: «Нет уже диких, неистовых криков, осталось одно тихое, звучное, приятное пение, дышащее родною, русскою заунывностию» [24, с. 41].

⁷ И. И. Излер был известен как содержатель популярной кондитерской на Невском, с 1847 или 1848 г. он стал владельцем заведения «Искусственных Минеральных вод», располагавшемся в Новой Деревне, на правом берегу Большой Невки, напротив Каменного острова.

рала обильные рукоплескания, цветы и деньги в кассу антрепренера; за цыганоманами и большинство публики заинтересовалось восхитительною Ванькою-Танькою, — и вот дитя кочевой фантазии положено на музыку, на мотив его написана полька, его играют и в салонах, и на уличных шарманках...». В журнале был опубликован и текст песни, столь полюбившейся всем слоям общества:

В селе малом Ванька жил,
Ванька Таньку полюбил.
Тпррр... тпррр... го, го, го,
Ванька Таньку полюбил.

Ванька с Танькою сидит,
Ваньке Танька говорит
Тпррр... тпррр... го, го, го,
Ваньке Танька говорит:

Ванька сокол удалой,
Таньке песенку пропой.
Тпррр... тпррр... го, го, го,
Таньке песенку пропой

Ванька дудочку берет,
Таньке песенку поет.
Тпррр... тпррр... го, го, го,
Таньке песенку поет [23, с. 321–322]⁸.

Автором этого обзора был писатель И. Т. Кокорев, очерк под названием «Ванька-Танька» вошел в собрание его сочинений, посмертно изданное в 1858 г. [16, с. 324–325].

Факт существования в цыганском репертуаре песен, подобных «Ваньке-Таньке», исследователи связывают с кризисом цыганской музыкальной культуры в 1840-х гг. [10, с. 162], о чем в 1853 г. писал любитель цыганского пения Л. Н. Толстой, сетуя, что цыгане перестали петь «русские старинные хорошие песни» и теперь «для публики, которая собирается в пассаже, поют водевильные куплеты, “Две девицы”, “Ваньку и Таньку”, и т. д.» [40, с. 386].

Однако незатейливая эта песенка побудила Даргомыжского аранжировать ее на два голоса. Время написания этого переложения известно из письма Ц. А. Кюи к М. А. Балакиреву от 3 сентября 1856 г.: «Даргомыжский занимается подборанием 2-го голоса к “Ваньке-Таньке” и тому подобным песенкам» [18, с. 39]. Приводя этот фрагмент, И. А. Медведева толкует реплику Кюи как пренебрежительную [22, с. 67], что легко отводится текстом письма: «Напр.<имер>: эта нота <...>, особенно спетая Даргомыжским, возбуждает всегда общий хохот. Вообще, он мне весьма нравится, и я очень доволен его знакомством⁹» [18, с. 39]. Во время заграничного турне композитора пьеса пользовалась большим успехом в Брюсселе, о чем он сообщал сестре в январе 1865 г.: «“Ванька-Танька” в два голоса производит страшный эффект» [цит. по: 25, с. 33]. В от-

⁸ Обзор сопровождается следующим примечанием: «По новейшим известиям, Ванька-Танька удостоилась чести быть переведенною на французский язык: Wanka-Tanka» [23, с. 322].

⁹ Далее следуют два ряда нотных линеек с партиями сопрано и тенора (фраза «Ванька дудочку берет и проч.») [18, с. 39].

дельных изданиях пьесы Даргомыжского в XIX в. [5; 6] указывалось, что это переложение «цыганской песни», такая информация сохранилась и в изданиях советского времени 1923, 1935, 1939, 1943 гг. Дуэт Даргомыжского, текст которого ограничен первыми четырьмя куплетами, ныне широко известен, он используется как учебный материал и присутствует в репертуаре многих профессиональных и самодеятельных певцов.

Однако еще до появления пьесы Даргомыжского песня о Ваньке-Таньке имела широкое хождение в простонародной среде, куда она попадала разными путями, в том числе и при участии шарманщиков, которые, как писал Кокорев, несли песню в народ. О распространенности песни в народной среде свидетельствует вариативность инципита:

В селе малый Ванька жил [4; 3; 26, с. 147–148; 34, с. 3];
В селе малом Ванька жил [23, с. 321];
В селе Ванька малый жил [28].

Известен также и вариант припева, привносящий в текст русский национальный колорит. В автобиографической повести для детей «Мое милое детство» К. В. Лукашевич, рассказывая о домашнем музицировании в 1860-х гг., приводит фрагмент песни:

В селе малом Ванька жил;
Ванька Таньку полюбил.
Ай люли! Ай люли!
Ванька Таньку полюбил.
Ванька дудочку берет,
Таньке песенки поет.
Ай люли! Ай люли!
Таньке песенки поет... и т. д. [20¹⁰].

Показателем широкого распространения песни может служить и известное по дневнику А. П. Боголюбова 1861 г. название одного из судов волжского речного флота — «Ванька с Танькой» [1, с. 108].

В народной среде песня, судя по всему, бытовала в близком к первоначальному варианту. Известен лубок, изображающий молодца и девицу в традиционных праздничных костюмах: он играет на дудочке, она в плясовом движении, с расшитой шириной в поднятой руке¹¹. Текст под рисунком включает куплет о покупке коника, а ширина в руке девицы предполагает известное нам продолжение песни.

В селе малом Ванька жил;
Ванька Таньку полюбил. (2)
Танька Ваньку полюбила
Ваньке дудочку купила;
Ванька дудочку берет

¹⁰ К сожалению, современные издания повести допускают произвольные сокращения и изменения, поэтому цитируем по электронному изданию, воспроизводящему оригинальный текст.

¹¹ Судя по всему, этот лубок вошел в книгу, экземпляр которой находится в коллекции В. В. Кандинского (хранится в Национальном музее современного искусства: Центр Ж. Помпиду, Париж): Народные картины, лубочные. Товарищество И. Д. Сыгина в Москве. Переплетенный альбом без титульного листа, содержащий 112 нераскраш. и 35 повторяющих их сюжеты раскраш. литографий. 45,0 x 34,5. После 1893 г. Позднейший из датир. листов имеет цензурное разрешение от 23 марта 1894 г. Аналогии: ГИМ И III хр. — лит. 4862/Б 38-01/17 (105 л., все раскраш.); Музей книги РГБ (146 л.) [35, с. 56–57].

Таньке песенку поет;
Ванька коника купил,
Сивогривого купил;
Он в тележку заложил [46].

Эта картинка с персонажами в народных костюмах усиливала представление о принадлежности «Ваньки-Таньки» русской среде (рисунок 1).

Рисунок 1 – Лубок «В селе малом Ванька жил» [2]
Figure 1 – Popular print “In a small village Van’ka lived”

Полный текст песни приводит художник Е. Г. Соколов, создавший целую серию открыток по мотивам бытовавших в народной среде песен и пословиц. Открытка «Ванька-Танька» была отпечатана в Москве в издательстве Кудиновой и К до 1905 г., т. е. на ней воспроизведен текст конца XIX в.:

В селе малый Ванька жил,
Ванька Таньку полюбил
Тпру, ну, га, го, га, го,
Ванька Таньку полюбил.
Ванька с Танькою сидит,
Танька Ваньке говорит.
Припев

Ванька, сокол дорогой,
Таньке песенку пропой.

Припев

Ванька коника купил,
Сивогривого купил.

Припев

В одноколку заложил,
Ванька с Танькой укатил.

Припев

Он держал, держал его,
Но не выдержал его.

Припев

Инда вожжи оборвал,
Шириночку разорвал.

Припев [43].

Как видим, текст песни повторяет вариант 1865 г., но здесь буквально говорится о разорванной шириночке, означавшей утрату девственности до свадьбы [44, с. 682], — и песня приобретает откровенно эротический смысл.

Рисунок 2 – Открытка «В селе малый Ванька жил» [36]

Figure 2 – Postcard “In a small village Van’ka lived” [36]

Таким образом, не будучи собственно русской народной по происхождению, песня «Ванька-Танька» в процессе бытования приобретала именно такой статус, что подкреплялось и визуальным рядом. О популярности любого произведения свидетельствуют перепевы — тексты, написанные по его мотивам. В начале XX в. существовал подобный отклик и на «Ваньку-Таньку», известный по сборнику Н. И. Станиславского:

Ванька Таньку увидал

Ванька Таньку увидал,
Ах, как мне ты, он сказал,
 Полюбилась, полюбилась, полюбилася.

Танька же Ваньке на слова
Отвечала: черта с два!

 Покосилась, и т. д.
Ты не ровня стал уже ей:
Тьма поклонников у ней

 Появилась, и т. д.
Не такой, как ты, бедняк:
Князь, барон и сибиряк.

 Возгордилась, и т. д.
К ней теперь не подходи:
В бриллиантах вся, пади,

 Снарядилась, и т. д.
Подвернулся тут ловкач:
Дело Танькино — хоть плачь.

 Так влюбилась, и т. д.
Тот, конечно, не зевал:
Таньку ловко обобрал.

 Поплатилась, и т. д.
Ванька вспомнился тут ей,
И судьбе она своей

 Покорилась, и т. д.
Воле рока покорилась:
Выйти замуж согласилась.

 Спохватилась, и т. д. [12, с. 6–7].

История Ваньки и Таньки разворачивается здесь иначе, чем в тексте источника, любовная линия радикально переосмыслена, но вряд ли можно сомневаться, что основой послужила интересующая нас песня. Вместе с тем трудно судить, под воздействием какой из пьес — бытовавшей в народной среде или дуэта Даргомыжского — мог возникнуть этот перепев.

Переложение Даргомыжского способствовало утверждению «Ваньки-Таньки» в культурной среде и вывело ее на эстрадные подмостки: песня вошла в репертуар исполнителей, не имевших отношения к цыганскому пению. В начале XX в. была продолжена традиция эстрадного исполнения песни как музыкальной шутки Даргомыжского. Н. Н. Ходотов вспоминал об актере К. А. Варламове: «Он и Стрельская, воспитанные на оперетте и водевиле с пением, отлично умели петь “говорком” и подавать куплеты в публику. Бывало, на дружеских вечеринках или у себя дома они садились за рояль и сами аккомпанировали себе дуэты из опереток. Особенно удавался им русский дуэт “Ванька-Танька”. Он был вынесен даже на Мариинскую сцену в концерте Театрального общества, правда, партию Таньки пела уже не Стрельская, а известный тенор Смирнов, Ваньку — Варламов» [43, с. 78–79]. Эта песня исполнялась в театре Валентины Лин

[39, с. 246] и на сцене московского театра миниатюр «Летучая мышь», где «Л. Собинов, кумир Москвы, романтический Ленский, распевал комические малороссийские песни, смешно наряженный и загримированный, препотешно играл в лубочном дуэте Даргомыжского “Ванька-Танька”...» [39, с. 28]. Пьеса Даргомыжского инсценировалась и на самодеятельной сцене, так, в начале XX в. ее разыгрывали студенты Саратовского университета: «Картина “Ванька и Танька” была поставлена следующим образом: на боковой эстраде <...> исполнялся известный дуэт Даргомыжского “Ванька с Танькой”, а на центральной сцене одна за другой открывались живые картины на фоне декорации, представлявшей дворик украинской хаты, которые иллюстрировали содержание текста дуэта. Таньку изображала <...> Новикова Тоня, хорошенькая девушка украинского типа, Ваньку — какой-то подходящий студент» [13, с. 187]. Характерно, что в этой трактовке песне придавался украинский национальный колорит, т. е. культурной публикой она не воспринималась как русская народная. Известно также, что музыкальный «лубок» Даргомыжского включали в программу своих выступлений русские актеры, которые в 1920-е гг. нашли пристанище в Белграде [17, с. 127].

Концертный номер «Ванька-Танька» был популярен и в постреволюционной России. В мемуарах Майи Плисецкой есть упоминание о том, что в 1936 или 1937 г. она, будучи воспитанницей московского хореографического училища, с успехом выступала «в действительно пикантном номере *a la russe* “В селе Малом Ванька жил, Ванька Таньку полюбил”»: партнер «обладал недюжим артистическим даром, юмористической пластикой, и мы с азартом, соревнуясь друг с другом, отчебучивали занятные коленца, гримасничали, флиртовали, ритмично лутили семечки, плевались, конфузились...» [27, с. 41]. Таким образом, благодаря Даргомыжскому, «Ванька-Танька» оказалась популярным эстрадным номером в стиле *а-ля рюс*.

Вместе с тем в первые десятилетия XX в. еще бытовало представление о «Ваньке-Таньке» как о русской народной песне. И. С. Шмелев в романе «Иностранец» (1938) пишет о ресторанной певице Саше Белокуровой, коронным номером которой была песня «В селе Новом Ванька жил, Ванька Таньку полюбил» [45, с. 472], и понятно, что речь идет не о дуэте Даргомыжского. Но более всего репрезентативен фельетон украинского писателя Остапа Вишни (Павел Михайлович Губенко) «Шовінізм (За що мене били, б'ють і нахваляються бити)», опубликованный в газете «Трудова громада» 1 января 1920 г., в период борьбы Украинской Народной Республики против большевиков [7]. В сознании писателя, как и его единомышленников, большевизм ассоциировался с Россией и русскими, отсюда та система резких оппозиций, которая представлена в тексте:

Як я, наприклад, кажу: «Майо паштеніє-с», — люблю шті, кислу капусту, Пушкіна, лаптушкі, в «избе» бруд, телята й воші і як співаю «Ванька Таньку полюбил» і за це все йду й грабую, вбиваю, вішаю, стріляю, тисну за горло, щоб і другий це саме співав, те ж саме кохав, — так це не шовінізм?!

А як кажу «добридень», люблю борщ, Шевченка, білу хатину, співаю «Місяченьку бліднолиций» і нікого за це не вбиваю, а лише прошу: «Ідіть, мовляв, ви до своєї Іверської Божої Матері», — так це шовінізм?! [20].

Два ряда оппозиций представляют параллельный набор национальных маркеров (шті/борщ, Пушкин/Шевченко, в «избе» бруд/біла хатина и т. д.) Но система маркеров во второй, украинской, парадигме основана на принципе от нейтрального к позитивному: никого не убиваю, а только прошу оставить меня в покое. В российской же

парадигме явно нагнетаются негативные коннотации: маркеры нейтральные (формула приветствия, гастрономические предпочтения, национальный поэт) сменяются откровенно негативными — от внешней неопрятности к попранию нравственных норм, физическому и нравственному насилию. В этом контексте разудалая любовная песня о Ваньке и Таньке как один из атрибутов русскости противопоставлена грустной украинской песне об утрате любимой. Такая контрастность эмоциональных характеристик через обозначение эстетических предпочтений органично вписывается в этот фельетон в общую картину национальных репрезентаций.

Материалы показывают, что возникшая в 1850–1851 гг. в репертуаре цыганского хора авторская песня о Ваньке-Таньке на бытовом уровне стала восприниматься как русская народная, но период ее активного распространения, судя по всему, ограничивался второй половиной XIX в. Полевые записи песни отсутствуют, она известна лишь в печатном виде — по очерку Кокорева, нескольким нотным изданиям и песенным сборникам второй половины XIX в., лубочной картинке и открытке. При этом надо подчеркнуть, что среди огромного числа разнородных песенников нашлось лишь три содержащих текст «Ваньки-Таньки». Сложилась парадоксальная ситуация: бытование песни в устной традиции наиболее авторитетно подтверждается упоминанием о ней в литературных текстах, и таких литературных текстов гораздо больше, чем фиксаций самой песни.

В нашем распоряжении имеется также пример того, что в начале 1970-х гг. значительно преобразованный вариант песни был известен в детской среде г. Бологое Тверской области. И хотя случай этот единичен, но он свидетельствует о том, что могли существовать и другие подобные варианты, пока неизвестные нам:

Ванька Таньку полюбил,
Ей цветы всегда дарил,
Гоп цаца, гоп цаца,
Ей цветы всегда дарил.

На базар ее водил,
Платье новое купил,
Гоп цаца, гоп цаца,
Платье новое купил¹².

Возвращаясь к исходному пункту наших разысканий — текстам Салтыкова-Щедрина, следует признать, что упоминание песни о том, «как Ванька Таньку полюбил», не имело отношения к пьесе Даргомыжского, которую к тому же не следует именовать «романсом». Контекст упоминаний дает основание говорить о том, что Салтыков имел в виду простонародный вариант песни. В исполнении цыганского хора сам он слышать ее не мог, поскольку в период петербургской популярности песни находился в вятской ссылке. Скорее всего, Салтыков воспользовался уже вошедшим в литературный обиход толкованием песни как символа низовой культуры, и наиболее непосредственным источником для него мог послужить фельетон Михайлова в «Свистке». Это использование формулы, за которой уже были закреплены определенные смыслы, можно рассматривать как опосредованное обращение к «чужому слову». Такой способ

¹² Сообщено 6 февраля 2017 г. С. Н. Лебедевой, которая вспомнила только этот фрагмент песни.

экономии эстетических средств, когда желаемый смысл и эмоциональная атмосфера достигались с помощью минимальных художественных затрат, был обычным явлением в литературе¹³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника // Тверь в записках путешественников. Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX – начало XX века / изд. подгот. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строгановым. Тверь: Книжный клуб, 2014. Вып. 3. С. 106–109.
- 2 В селе малом Ванька жил [Лубок] // Public.fotki.com. URL: <https://public.fotki.com/Vakin/aa7ae/fg42d/hbi59/9f48.html> (дата обращения: 19.03.2018)
- 3 Ванька и Танька [Ноты]: «В селе малый Ванька жил...»: песня: для пения с аккомпанементом фортепиано: [с¹-d²] / музыка А. Крылова; аранж. Ферд. Бюхнером. М.: У П. Юргенсона, 1871. 3 с.
- 4 Ванька и Танька [Ноты]: деревенская песня: «В селе малый Ванька жил...»: [для солиста и хора с сопровождением фортепиано] / музыка Ив. Васильева, дирижера хора московских цыган. СПб.: У Василия Деноткина, 1850. 4 с.
- 5 Ванька-Танька. Цыг. песня, перелож. на 2 голоса с сопровожд. фп. А. Даргомыжским. М.: А. Гутхейль, 1885. 6 с.
- 6 Ванька-Танька. В селе малом Ванька жил. Цыганская песня. Перелож. на 2 голоса [с ф-п] А. Даргомыжским. СПб.: Ф. Стелловский, [Б. г.]. 6 с.
- 7 *Вишня О.* Вишневі усмішки. Заборонені твори // Fictionbook.ru. URL: https://fictionbook.ru/author/ostap_vishnya/vishnevi_usmishki_zaboroneni_tvori_zbirnik/read_online.html?page=5 (дата обращения: 15.03.2018)
- 8 *Водовозова Е. Н.* На заре жизни: в 2 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. 512 с.
- 9 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1980. Т. IV. 684 с. (репринт).
- 10 *Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган — новый взгляд. Воронеж: Воронеж, 2000. 336 с.
- 11 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4. 328 с.
- 12 Живая струна. Сатирический сборник комических куплетов, дуэтов, песен, романсов, сенок, рассказов и шуток / сост. Н. И. Станиславский. М.: Типолитография Торгового дома Е. Коновалова и К, 1913. 24 с.
- 13 *Зернов В. Д.* Записки русского интеллигента / публ., вступ. статья, коммент. В. А. Соломонова; под общ. ред. А. Е. Иванова. М.: Индрик, 2005. 400 с.
- 14 *Злов А. К.* Что это такое? Юмор-сатирический калейдоскоп. М.: Тип. Каткова и К, 1859. 138 с.
- 15 *Калинина Н. В.* Примечания // *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 6. С. 423–452.
- 16 *Кокорев И. Т.* Очерки и рассказы: в 3 ч. М.: Университетская тип., 1858. Ч. II. 396 с.

¹³ Текст Салтыкова становился в свою очередь источником упоминания формулы «как Ванька Таньку полюбил» другими авторами. В одном из сценических переложений романа И. А. Гончарова «Обломов» в начале XX в. автор инсценировки А. Владиславлев (А. В. Бабецкий) наделяет главного героя репликой, обращенной к Пенкину: «А по-вашему лучше изобразить, как “Ванька Таньку полюбил”, да чтоб от этого Ваньки дух пошел, да подпустить такой психологии, чтоб после нее три дня есть нельзя было? Это, по-вашему, литература?» [цит. по: 15, с. 426].

- 17 *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М.: Изд-во ИСл РАН, 2007. Ч. I. 288 с.
- 18 *Кюи Ц. А.* Избранные письма. Л.: Госмузиздат, 1955. 756 с.
- 19 *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. Т. 8. 944 с.
- 20 *Лукашевич К. В.* Мое милое детство // Ваш домовенок. URL: <http://domovenok-as.ru/prazdnichnoe-nastroenie/raskazy-o-pashe-dlja-shkolnikov-pervyi-den-svetlogo-hristova-voskresenija/page-4.html> (дата обращения: 13.03.2018)
- 21 *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. Т. 1. 442 с.
- 22 *Медведева И. А.* Александр Сергеевич Даргомыжский. М.: Музыка, 1989. 202 с.
- 23 Москвитянин. 1851. Декабрь. № 23. Кн. 1. Отд. Смесь: Мелочи. С. 317–324.
- 24 Пантеон. 1853. Т. 8. Кн. 3. Отд. Петербургский вестник: II. Музыка. С. 33–46.
- 25 *Пекелис М. С.* Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение: в 3 т. М.: Музыка, 1983. Т. 3. 1858–1869. 318 с.
- 26 Песенник. Полное собрание русских и цыганских песен и романсов, с присовокуплением песен тиролек и известных двух певцов хористов: в Москве: О. Кольцова, в С.-Петербурге: Молчанова: в 2 ч. М.: Тип. П. Бахметева, 1865. 234 с.
- 27 *Плисецкая М. Я.* Майя Плисецкая... М.: Новости, 1994. 496 с.
- 28 *Попов Г. М.* Сб. боевых, бытовых, плясовых и солдатский песен: в 2 ч. Харьков: Тип. А. Дарре, 1888. Ч. 2 (последняя песня). 178 с.
- 29 *Равинский Д. К., Шахматов Б. М.* Козлов Алексей Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2: Г-К. С. 589–591.
- 30 *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1968. Т. 6. 740 с.
- 31 *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 12. 752 с.
- 32 *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 13. 814 с.
- 33 *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 15–1. 384 с.
- 34 Собр. песен московских цыган и современных русских народных. М.: Изд. книгопродавца Манухина, 1867. 70 с.
- 35 *Соколов Б. М.* Кандинский — коллекционер русского лубка // Многогранный мир Кандинского. М.: Наука, 1998. С. 50–71.
- 36 *Соколов Е. Г.* В селе малый Ванька жил // Artru.info. URL: <http://artru.info/il/39318/> (дата обращения: 15.03.2018)
- 37 *Соллогуб В. А.* Повести; Воспоминания / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. И. С. Чистовой. Л.: Худож. лит., 1988. 720 с.
- 38 *Сычковин Григорий.* Г. Геннади, исправляющий Пушкина // Свисток. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863 / изд. подгот. А. А. Жук, А. А. Демченко. М.: Наука, 1982. 592 с.
- 39 *Тихвинская Л. И.* Повседневная жизнь театральной богемы серебряного века: Кабаре и театр миниатюр в России: 1908–1917. М.: Молодая гвардия, 2005. 528 с.
- 40 *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. I. 422 с.
- 41 *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. IX. 560 с.
- 42 *Уколова Е., Уколов В.* Творчество и судьба Александра Дюбюка // Собр. старинных русских романсов: Антология: в 2 т. / авт.-сост. Е. Л. Уколова, В. С. Уколов. М.: Изд-во МАИ, 1997. Т. II. Романсы московского гуляки. С. 9–104.
- 43 *Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое / предисл. Я. О. Малютина, подгот. текста и примеч. Г. З. Мординсона. Л.; М.: Искусство, 1962. 328 с.

- 44 Шангина И. Ширинка // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб., 2005. С. 681–682.
- 45 Шмелев И. С. Иностранец // Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6 (доп.). История любовная: Романы. Рассказы. С. 421–488.
- 46 Элькан А. Музыка // Иллюстрация. 1848. Т. 6. № 11 (145). 20 марта. С. 169–170.

© 2018. Evgeniya N. Stroganova
Moscow, Russia

FOLK/PSEUDOFOLK OF “VAN’KA-TAN’KA”: METAMORPHOSES OF EXISTENCE

Abstract: “Van’ka-Tan’ka” is a recurrent song in the texts of the second half of the 19th century, yet the matter of its origin and characteristics remains open to discussion. This study addresses the collections of Russian folk songs, all sorts of song-books, musical texts, as well as testimony of contemporaries which enables to suggest that this author's song appeared in the 1850–1851 in the repertoire of the chorus of the Moscow Gypsies, and was popular among different layers of society and was widespread among common people. Arranged for two voices by A. S. Dargomyzhsky in 1856 “Van’ka-Tan’ka” became popular in the educated society as well. References to the song in literary texts of the second half of 19th – the beginning of 20th century having nothing to do with a musical joke of Dargomyzhsky, reflected its popularity in the common environment and served to designate lower phenomena of art.

Keywords: song “Van’ka-Tan’ka”, origin, specific existence, M. E. Saltykov-Shchedrin, popularity, duet of A. S. Dargomyzhsky, lower phenomena of art.

Information about the author: Evgeniya N. Stroganova — DSc in Philology, Professor, A. N. Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya St., 33, build. 1, 117997 Moscow, Russia. E-mail: enstroganova@yandex.ru

Received: March 29, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Stroganova E. N. Folk/pseudofolk of “Van`ka-Tan`ka”: the metamorphoses of existence. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 178–196. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bogoliubov A. P. Zapiski moriaka-khudozhnika [Notes of the seaman-artist]. *Tver' v zapiskakh puteshestvennikov. Vodnye puti Verkhnei Volgi. Vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka* [Tver in the notes of travelers. Waterways of the Upper Volga. The second half of 19th – early 20th century], edition prepared by E. G. Miliuginoi, M. V. Stroganovym. Tver', Knizhnyi klub, 2014, vol. 3, pp. 106–109. (In Russian)
- 2 V sele malom Van'ka zhil [Lubok] [In a village little Vanka lived [Lubok]]. *Public. fotki.com*. Available at: <https://public.fotki.com/Vakin/aa7ae/fg42d/hbi59/9f48.html> (accessed 19 March 2018) (In Russian)
- 3 *Van'ka i Tan'ka [Noty]: “V sele malyi Van'ka zhil...”: pesnia: dlia peniia s akkompanementom fortepiano: [c¹–d²] [Van`ka and Tan`ka [Notes]: “In the village*

- little Van`ka lived...”: song: for singing with piano accompaniment: [c¹–d²]], music by A. Krylov; arrangement by Ferd. Biukhnerom. Moscow, U P. Iurgensona Publ., 1871. 3 p. (In Russian)
- 4 *Van'ka i Tan'ka [Noty]: derevenskaia pesnia: “V sele малы Van'ka zhil...”*: [dlia solista i khora s soprovozhdeniem fortepiano] [Van`ka and Tan`ka [Notes]: village song: “In the village little Van`ka lived...”: [for soloist and choir with piano accompaniment]], music by Iv. Vasil'eva, conductor of the choir of the Moscow Gypsies. St. Petersburg, U Vasiliia Denotkina Publ., 1850. 4 p. (In Russian)
- 5 *Van'ka-Tan'ka Tsyg. pesnia, perelozh. na 2 golosa s soprovozhd. fp. A. Dargomyzhskim* [Vanka-Tanka, a Gypsy song, 2 voices with piano, by A. Dargomyzhsky]. Moscow, A. Gutkheil' Publ., 1885. 6 p. (In Russian)
- 6 *Van'ka-Tan'ka. V sele malom Van'ka zhil. Tsyganskaia pesnia. Perelozh. na 2 golosa [s f-p] A. Dargomyzhskim* [Vanka-Tanka. In the village of small Vanka lived. Gypsy song. Shifted by 2 votes A. Dargomyzhsky]. St. Petersburg, F. Stellovskii Publ., [B. g.]. 6 p. (In Russian)
- 7 Vishnia O. Vishnevi usmishki. Zaboroneni tvori [Cherry grins. Do zaboroneni]. Fictionbook.ru. Available at: https://fictionbook.ru/author/ostap_vishnya/vishnevi_usmishki_zaboroneni_tvori_zbirnik/read_online.html?page=5 (accessed 15 March 2018) (In Ukrainian)
- 8 Vodovozova E. N. *Na zare zhizni: v 2 t.* [At the dawn of life: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. Vol. 1. 512 p. (In Russian)
- 9 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.] Moscow, Russkii iazyk Publ., 1980. Vol. IV. 684 p. (reprint). (In Russian)
- 10 Demeter N., Bessonov N., Kutenkov V. *Istoriia tsygan — novyi vzgliad* [History of Gypsies — a new look]. Voronezh, Voronezh Publ., 2000. 336 p. (In Russian)
- 11 Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. 4. 328 p. (In Russian)
- 12 *Zhivaia struna. Satiricheskii sbornik komicheskikh kupletov, duetov, pesen, romansov, stsенок, rasskazov i shutok* [Live string. Satirical collection of comic verses, duets, songs, romances, scenes, stories and jokes], comp. by N. I. Stanislavskii. Moscow, Tipolitografiia Torgovogo doma E. Konovalova i K Publ., 1913. 24 p. (In Russian)
- 13 Zernov V. D. *Zapiski russkogo intelligenta* [Russian intellectual's notes], publication, introductory article, comments by V. A. Solomonova; under the general editorship by A. E. Ivanova. Moscow, Indrik Publ., 2005. 400 p. (In Russian)
- 14 Zlov A. K. *Chto eto takoe? Iumoro-satiricheskii kaleidoskop* [What is this? Satirical kaleidoscope]. Moscow, Tipografiia Katkova i K Publ., 1859. 138 p. (In Russian)
- 15 Kalinina N. V. *Primechaniia [Notes]. Goncharov I. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.] St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, vol. 6, pp. 423–452. (In Russian)
- 16 Kokorev I. T. *Ocherki i rasskazy: v 3 ch.* [Essays and short stories: 3 vols.]. Moscow, Universitetskaia Tipografiia Publ., 1858. Part II. 396 p. (In Russian)
- 17 Kosik V. I. *Chto mne do vas, mostovye Belgrada? Ocherki o russkoi emigratsii v Belgrade. 1920–1950-e gody* [What do I care about you, Belgrade pavements? Essays on Russian emigration in Belgrade. 1920–1950]. Moscow, Izdatel'stvo ISL RAN Publ., 2007. Part I. 288 p. (In Russian)
- 18 Kiui Ts. A. *Izbrannye pis'ma* [Selected letters]. Leningrad, Gosmuzizdat Publ., 1955. 756 p. (In Russian)

- 19 Leskov N. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.] Moscow, TERRA-Knizhnyi klub Publ., 2004. Vol. 8. 944 p. (In Russian)
- 20 Lukashovich K. V. Moe miloe detstvo [My sweet childhood]. *Vash domovenok* [Your brownie]. Available at: <http://domovenok-as.ru/prazdnichnoe-nastroenie/raskazy-o-pashe-dlja-shkolnikov-pervyi-den-svetlogo-hristova-voskreseniya/page-4.html> (accessed 13 March 2018) (In Russian)
- 21 Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: v 4 t.* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: in 4 vols.] Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty Publ., 1956. Vol. 1. 442 p. (In Russian)
- 22 Medvedeva I. A. *Aleksandr Sergeevich Dargomyzhskii* [Alexander Sergeevich Dargomyzhsky]. Moscow, Muzyka Publ., 1989. 202 p. (In Russian)
- 23 *Moskvitianin*, 1851, Desember, no 23, book 1. Otd. Smes': Melochi [Mix: Trivia], pp. 317–324. (In Russian)
- 24 *Panteo*, 1853, vol. 8, book 3. Otd. Peterburgskii vestnik: II. Muzyka [The St. Petersburg Gazette: II. Music], pp. 33–46. (In Russian)
- 25 Pekelis M. S. *Aleksandr Sergeevich Dargomyzhskii i ego okruzenie: v 3 t.* [Alexander Sergeevich Dargomyzhsky and his entourage: in 3 vols.]. Moscow, Muzyka Publ., 1983. Vol. 3. 1858–1869. 318 p. (In Russian)
- 26 *Pesennik. Polnoe sobranie russkikh i tsyganskikh pesen i romansov, s prisovokupleniem pesen tirolek i izvestnykh dvukh pevtsov khoristov: v Moskve: O. Kol'tsova, v S.-Peterburge: Molchanova: v 2 ch.* [Songbook. Full collection of Russian and Gypsy songs and romances, with the addition of songs of Tyroliennes and two famous singers: in Moscow: O. Koltsova, in St. Petersburg: Molchanova: in 2 parts]. Moscow, Tipografiia P. Bakhmeteva Publ., 1865. 234 p. (In Russian)
- 27 Plisetskaia M. *Ia, Maiia Plisetskaia...* [I, Maya Plisetskaya...] Moscow, Novosti Publ., 1994. 496 p. (In Russian)
- 28 Popov G. M. *Sb. boevykh, bytovykh, pliasovykh i soldatskii pesen: v 2 ch.* [A collection of military, domestic, dance and the soldiers' songs: in 2 parts]. Khar'kov, Tipografiia A. Darre Publ., 1888. Part 2. 178 p. (In Russian)
- 29 Ravinskii D. K., Shakhmatov B. M. Kozlov Aleksei Aleksandrovich [Kozlov Alexey Alexandrovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1992, vol. 2: G-K, pp. 589–591. (In Russian)
- 30 Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1968. Vol. 6. 740 p. (In Russian)
- 31 Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. Vol. 12. 752 p. (In Russian)
- 32 Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972. Vol. 13. 814 p. (In Russian)
- 33 Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973. Vol. 15–1. 384 p. (In Russian)
- 34 *Sobranie pesen moskovskikh tsygan i sovremennykh russkikh narodnykh* [Collection of songs of Moscow Gypsies and modern Russian folk songs]. Moscow, Izdanie knigoprodavtsa Manukhina Publ., 1867. 70 p. (In Russian)
- 35 Sokolov B. M. Kandinskii — kolektsioner russkogo lubka [Kandinsky — collector of Russian popular print]. *Mnogogrannyi mir Kandinskogo* [Multi-faceted world of Kandinsky]. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 50–71. (In Russian)

- 36 Sokolov E. G. V sele malyi Van'ka zhil [In a small village Van`ka lived]. *Artru.info*. Available at: <http://artru.info/il/39318/> (Accessed 15 March 2018) (In Russian)
- 37 Sollogub V. A. *Povesti; Vospominaniia* [Short novels; Memories], preparation, preparation of the text, introductory article, comments by I. S. Chistovoi. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988. 720 p. (In Russian)
- 38 Sychovkin Grigorii. G. Gennadi, ispravliaiushchii Pushkina [G. Gennady correcting Pushkin]. *Svistok. Satiricheskoe prilozhenie k zhurnalu "Sovremennik". 1859–1863* [Whistle. A satirical Supplement to the magazine "Sovremennik". 1859–1863], edition prepared by A. A. Zhuk, A. A. Demchenko. Moscow, Nauka Publ., 1982. 592 p. (In Russian)
- 39 Tikhvinskaia L. I. *Povsednevnaia zhizn' teatral'noi bogemy serebrianaogo veka: Kabare i teatr miniatiur v Rossii: 1908–1917* [The everyday life of the theatrical Bohemia of the Silver age: Cabarets and miniature theatre in Russia: 1908–1917]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2005. 528 p. (In Russian)
- 40 Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected works: in 22 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978. Vol. I. 422 p. (In Russian)
- 41 Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 28 t.* [Complete works and letters: in 28 vols.] Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. Vol. IX. 560 p. (In Russian)
- 42 Ukolova E., Ukolov V. *Tvorchestvo i sud'ba Aleksandra Diubiuka* [The work and life of Alexander Dubuque]. *Sobranie starinnykh russkikh romansov: Antologiya: v 2 t.* [Collection of Russian romances: an anthology: in 2 vols.], comp. by E. L. Ukolova, V. S. Ukolov. Moscow, Izdatel'stvo MAI Publ., 1997, vol. II: *Romansy moskovskogo guliaki* [Romances of Moscow reveler], pp. 9–104. (In Russian)
- 43 Khodotov N. N. *Blizkoe — dalekoe* [Close — distant], foreword Ia. O. Maliutina, preparation of text and notes by G. Z. Mordinsona. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1962. 328 p. (In Russian)
- 44 Shangina I. Shirinka [Fly]. *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture: Illiustrirovannaia entsiklopediia* [Men and women. Male and female in traditional Russian culture: Illustrated encyclopedia]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 2005, pp. 681–682. (In Russian)
- 45 Shmelev I. S. Inostranets [Foreigner]. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.] Moscow, Russkaia kniga Publ., 1999, vol. 6 (dop.). *Istoriia liubovnaia: Romany. Rasskazy (suppl.)*. [Admiration story: Novels. Stories], pp. 421–488. (In Russian)
- 46 El'kan A. Muzyka [Music]. *Illiustratsiia*, 1848, vol. 6, no 11 (145), 20 March, pp. 169–170. (In Russian)